Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Поликлиника на курьих ножках

Гена никогда не думал, что снова окажется в детской поликлинике, знакомой ему до боли. Каждый ее уголок будил в нем давний страх уколов и желание уткнуться в маму. Мама уж много лет отдыхала на том свете, и уколы более не угрожали его заднице, возродившись в новом статусе: Гена приехал сюда подписывать договор о поставках шприцов.
Заведующая, Лариса Виевна Клякошапская, как водится, опаздывала, и Гене пришлось ждать ее вместе с маленькими пациентами и их мамами, постепенно наполнявшими коридор. Все они были на одно лицо — ненакрашенные мамы и капризные, визгливые дети. Гена смотрел на них, вертя в руках нефритового крокодильчика (шуточный амулет, подаренный когда-то отцом), и уныло думал о двойственности родительского долга: «дети — это вроде бы и хорошо, но...»
Но вдруг раскрылась коридорная дверь, впустив новых посетителей, и Гена забыл о своих философских раздумьях.
Это была очередная мама с сыном лет семи. Мама была очень молода. Одной ее гибкой фигуры было достаточно, чтобы взгляд прилип к ней — но, кроме того, было и другое. Высокая — не ниже долговязого Гены — черноглазая, краснощекая, женственная до щекотки в яйцах, она вплыла в серый коридор, как радуга. На шее, на руках и пальцах ее сверкали гроздья цветных, причудливо-выгнутых украшений; густо-синее струящееся платье окутывало ее до самых ступней, мелькавших уточками под юбкой. Удивленный Гена заметил, что они босые, будто незнакомка шла по лужайке, а не по больничному коридору. Длинные волосы, черные, прямые и блестящие, падали ей на спину и плечи, спускаясь почти до пояса. Из широкого выреза выглядывали огромные налитые груди, белые, как булки, распирая сосками тонкую ткань.
Двигалась она плавно, будто у нее на голове был кувшин с водой. Было в ней что-то скользящее, бархатное, томно-кошачье. На ходу она смотрела под ноги, опустив длинные ресницы, и улыбалась так, будто стеснялась своей красоты. Пройдя с сыном к скамейке, она усадила его и села рядом с ним.
Позабыв о приличиях, Гена пялился ей в лицо, нежное, округлое без полноты, с пухлыми чувственными губами и неизменной улыбкой, как бы говорящей — «я не виновата, что я такая красивая».
«Сколько ей лет? Двадцать один? Двадцать три? Когда же она родила?» — думал Гена.
Мальчик молча уселся на сиденье рядом с ней; та достала из книги книжку в яркой цветной обложке, раскрыла ее и стала читать ему:
«... А не то съем тебя! — крикнула ему Баба-Яга. Цыкнула она на него кривым зубом, крякнула, свистнула, села в свою ступу, махнула помелом и улетела восвояси. Не растерялся Ивасик-Телесик...»
Мальчик внимательно слушал и смотрел в книжку. Гена не верил своим глазам: он думал, что трансформеры и киборги давно вытеснили из детского мира Бабу-Ягу и всех ее сограждан. Незнакомка читала выразительно — точь-в-точь, как актеры на старых пластинках — и Гена поймал себя на том, что слушает внимательно, как в детстве. Голос у нее был бархатный, густой и ласковый; «ложкой снег мешая, ночь идет большая», вспомнилось Гене...
— Девушка! А тут, между прочим, очередь, — донеслось сбоку. — Уселась прям, как у себя

дома. Хоть бы спросила, кто крайний. — Да-да, я знаю, — улыбнулась незнакомка. — Я за вами, верно? — обратилась она к мамаше, похожей на мокрую птицу. — Да-а... — озадаченно отозвалась та. — Надо спрашивать, вообще-то...
Гена открыл было рот — но девушка снова улыбнулась и возобновила сказку. Мамаши косились на нее и кривили рты.
«Вот курятник!» — злился Гена; ему хотелось сделать что-нибудь эдакое, и он вдруг сказал босоногой девушке:
— Я извиняюсь, девушка... А давайте с вами поменяемся? Я первый в очереди. Вы вместо меня, а я вместо вас? Давайте? Я не спешу! — Спасибо. Вы точно не спешите?
Когда она улыбалась, глаза ее прятались под опущенными ресницами, и улыбка получалась застенчиво-царственной, как у восточных принцесс.
— ... Точно-точно! Давайте!
Она улыбнулась еще шире. Обнадеженный Гена начал было:
— А скажите, девушка... — но она перебила его:
— ... замужем ли вы? Вы это хотели спросить? Даже если придумали другие слова?
Гена поперхнулся, потому что хотел спросить именно это, и именно «другими словами».
— ... Нет, незамужем. И, хоть я вам и благодарна, у вас мало шансов. Не обижайтесь, ладно?
Он прикусил язык, а незнакомка, все так же улыбаясь, продолжила читать сказку:
«... и вдруг в избушке на курьих ножках заскрежетал ржавый замок. Это Баба-Яга вернулась, чтобы съесть Ивасика-Телесика...»
В этот момент действительно раздался скрежет замка.
Гена вздрогнул. Дверь с табличкой «Заведующая поликлиникой» медленно, со скрипом раскрылась, и оттуда донесся хриплый голос:
— Входите! Побыстрей только...
«Как она вошла? Она что, сидела там все это время?» — думал Гена. Девушка в синем грациозно встала и ввела сына в кабинет.
— Молодой человек, вы за мной! — напомнила Гене все та же мамаша. Гена сморщился и кивнул, не сводя взгляда с двери: ему вдруг почудился за ней приглушенный вскрик. Охваченный непонятной тревогой, он стал слушать, что делается за дверью. Очень скоро он услышал какой-то свист, похожий на гудение чайника. Свист быстро нарастал, мешаясь с глухими криками, и через минуту не было никаких сомнений — в кабинете заведующей творится нечто в высшей степени странное и непредвиденное.
Мамаши притихли. Гена колебался еще секунду, затем вскочил, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, открыл ее.
Дальше все было, как в тумане или в бреду. Открыв дверь, Гена успел увидеть зеленое полыхание, выхватившее резким пятном физиономию старухи в белом халате. Оно исчезло мгновенно, и вошедшему Гене казалось, что в кабинете дрожит и плывет воздух, как это бывает в знойный день.
Заведующая (это была, очевидно, она) стояла у своего стола. У противоположной стены стояла босоногая девушка, прикрыв собой сына. По их виду было ясно, что секунду назад здесь происходило нечто нешуточное, и Гена явился вовремя.
— Нельзя! Занято! Слепой, что ли? — каркнула старуха. Гена попятился, но, взглянув на девушку в синем, остановился.
— А что это тут у вас? Что за шум, а драки нету? — Пошел вон! — Ай-яй-яй! Чего ж так грубо?

Я ведь просто зашел, — говорил Гена, медленно приближаясь к заведующей и трясясь от страха, который неведомо откуда проник в него.
Он понимал, что ситуация выглядит нелепо, и сам он нелеп, — и еще он понимал, что ему почему-то страшно, как бывало только в детстве. Несмотря на все это, он подходил к заведующей, стараясь не глядеть ей в лицо, и продолжал нести чушь, нейтрализуя напряжение и собственный страх: — Я просто зашел, заглянул, так сказать, поздороваться вот, и вообще...
По мере того, как он приближался, заведующая подбиралась, пригибала голову — и вдруг Гена не выдержал и поднял на нее глаза.
Она стояла перед ним, вытянув вперед морщинистые руки. Гена с ужасом увидел, что ее глаза светятся зеленоватым огнем.
— В козлиное очко ступай, срань человечья! — непонятно и обидно выругалась она. Ее лицо кривилось, как у припадочной; из-за углов рта показались желтые клыки, и Гена почувствовал, как его внутренности окунулись в ледяной кисель. В ушах зашумело, как перед обмороком... или это снова был тот самый свист?
— Уходите! Уходите! — кричала ему девушка в синем. — Уходите скорей, слышите или нет? Ее голос слышался сквозь плотную завесу свиста, облепившую Гену и все пространство кабинета. «Этого не может быть» — думал Гена, цепляясь за эту мысль, — и почему-то шел вперед, подходя вплотную к старухе. Ее глаза просвечивали Гену зелеными лучами, ледяными,как сквозняк; пальцы ее, похожие на коряги, подобрались к Гене, и тот, инстинктивно защищаясь, вытянул руки...Вдруг наваждение исчезло, будто кто-то сдул его. Умолк свист, глаза старухи сделались обыкновенными, тускло-бесчувственными, и вся она сникла и оползла, как сдувшийся матрац. Она уставилась на крокодильчика, зажатого у Гены в руке, и бормотала себе под нос:
— Зеленый Змий? Зеленый Змий?!..
В голосе ее слышались уважительные, даже почтительные нотки.
— ... Зеленый Змий?! Вот, значит, с кем водятся твои люди? — глянула она на девушку в синем. — Уффффф! — с шумом выпустила она воздух. — Ваша взяла! Ступайте прочь, да поскорей!
— Зеленый Змий!... — бормотала она, когда Гена с девушкой выходили из кабинета. — Больше никого не принимаю! Зеленый Змий, надо же... — слышали они ее голос из коридора.
***
«Так... Договор я сегодня точно не подпишу» — думал Гена.
После всего, что было, эта мысль показалась ему такой нелепой, что он расхохотался.
— Спасибо вам! — взяла его за руку девушка. Ладонь ее была холодной, и сама она была бледной, как стена. — Вы спасли нас. Я бы и сама, но... не знаю. Если бы не вы... Спасибо! Фффуууух!.. — Ну... я... это... А что я сделал? — Не испугались. Вовремя показали то, что у вас было. Откуда он у вас? — Кто? — Зеленый Змий. — Девушка осторожно взяла у него крокодильчика, повертела его в руках и внимательно посмотрела на Гену.
Такого пристального взгляда Гена еще не видел. Казалось, его можно было потрогать — и он завибрировал бы, как струна.
— Отец дал когда-то, то есть дед... — начал путано объяснять Гена. — Деду, когда он малой был, какая-то цыганка на улице подарила, сказала, чтобы он держал при себе, тогда его не тронут немцы... И правда, не тронули... Ну а потом он умер, а отец подарил мне. В шутку: я

Гена, меня дома называли Крокодилом Геной, или просто Маленьким Крокодильчиком — вот он и подарил мне крокодильчика. Типа как мой портрет. Он вообще не верил во все эти штучки... — Понятно, — кивнула девушка. — Я знала, что вы не из этих. Не можете быть. — Не из кого? И вообще... что это? Кто это был? Что это было?! — Баба-Яга.
Это прозвучало просто, как «санитарка» или «педиатр».
— Что-о? — Я сама не знала. До того, как зашла. Оооох! — вздрогнула девушка. — Куда забралась, старая!... Иваська, не бойся. Она не тронет нас. Мама у тебя сильная. Маму просто захватили врасплох. Точнее, чуть было не захватили. Если бы не... Спасибо, спасибо вам! — она положила руки Гене на плечи и неожиданно поцеловала его прямо в губы.
Поцелуй был таким благодарным и горячим, что Гена зашатался.
— А я и не боялся вообще, — ответил Иваська перепуганным басом. — Мам, а это что, та самая Баба-Яга была? Которая в сказке? — Нет. Другая. Моложе и намнооооого злей... На, — протянула она Гене крокодильчика. — Спрячь и не показывай никому. — Мам, а мам! Слушай, мам! А по-моему, его шансы уже повысились. А? — затараторил Иваська, глядя на обалдевшего Гену. — Шансы? — Девушка улыбнулась и оценивающе осмотрела Гену. — Пожалуй... Пожалуй, да. Безусловно да! Ты, конечно, не красавец... но мы это исправим, — говорила она, глядя на него сквозь свои невероятные ресницы. — Это неважно. Это ерунда. Главное, что наконец-то я встретила настоящ... Эээ, а ты-то чего умничаешь? — спохватилась она, глянув на Иваську. — А что я? я ничего, — бормотал Иваська.
Босоногая незнакомка снова была совершенно серьезна. Гена не знал, что и думать. Она смотрела на него так, как умеют смотреть только красавицы, и внутри у него сладко заныло...
— Идем, — сказала она ему, когда они вышли из поликлиники. — Куда? — Ко мне. Погоди-ка... — она встала лицом к Гене, заглянула ему в глаза, вогнав в него струю невидимого тока, затем провела мягкими руками по его щекам, плечам, бокам, бедрам, будто окутав Гену сладким коконом, и сомкнула их у него между ног.
По телу Гены разлилось истомное тепло, как в детстве по утрам...
— Кто ты? — спросил он хриплым голосом. — Забава, — ответила девушка, глядя Гене в глаза и не убирая рук с его гениталий. — Как это? Почему «забава»? — Так. Просто Забава. Это мое имя. А ты Гена, верно? — ответила Забава. Пойдем, Гена. Ты был прав. Я даже благодарна Бабе-Яге... Пойдем.
***
Гена до последнего не верил в то, что все складывается именно так.
Но Забава, введя его к себе домой, сказала Иваське: «Сынуль, иди на кухню, ладно? Там курица, овсянка... в общем, разберешься, да? а потом ложись спать, не жди меня», — завела Гену за руку в комнату, прикрыла дверь — и повернулась к нему.
Гена почувствовал, как сладкий холод спирает ему дыхание, подбираясь под дых...
— Ну?... — спросила Забава и медленно подошла к Гене. — Ну? — мурлыкнула она, глядя ему в глаза. — Ты же этого хотел? Верно? — шептала она, обвивая руками его шею.
Ее губы легко и горячо щекотали ему лицо, всасываясь в щеки и в рот, и обмякший Гена ухнул куда-то в радужную яму, как перед обмороком. — Вот я. Вот я вся. Бери меня, делай со мной, что хочешь, — хрипло подвывала она, кусаясь от желания.
Большое ее тело дрожало и липло к Гене, и тот, прочувствовав наконец свое счастье, впился в ее плоть, пружинящую под синим шелком.
— Уууоо! — выла Забава. — Уыыыы! — урчала она медведицей. — Сними его с меня! Сними!

Синее платье полетело на пол вместе с трусами. Обалдевший Гена хотел обхватить, заглотить, вылизать в усмерть розовое изобилие, раскрытое перед ним, — но Забава уже стояла на четвереньках и шептала ему:
— У меня так долго не было этого... Пять лет... Вот, — она выпячивала бедра, распахнутые настежь, — вот! Скорей, скорей, — ныла она, нетерпеливо тряся грудями, и Гена понял: все будет без сантиментов и запретов, быстро, жестко и горячо.
Он ткнулся в липкие складки, раскрытые, как сердцевина хищного цветка — и сразу вплыл в Забаву по самые яйца.
— Ооооооу! Давай, давай! Пожаааалуйста!... — Она торопила Гену, подаваясь навстречу ему, и жмурилась от кайфа и стыда, а он шуровал в ней, сразу отпустив все тормоза, и вталкивался, вламывался в нее взахлеб, не успевая осознать, что делает. Он имел ее, как зверя — а ей все было мало, мало, и она кричала: — Трогай! Трогай там! Сильней! — и выпячивала срамоту, надетую на его член, и Гена трогал, мял и месил горячие складки обеими руками, всаживаясь в Забаву до глубинного мяса, и чувствовал, что член его вдвое тверже и длинней обычного... Такого бешеного секса у него еще не было. Он въезжал в нее, как таран, и рычал от желания, — но ей было мало, мало, и она умоляла его, срываясь на визг — «сильней, сильней... СИЛЬНЕЕЕЕЕЕЕЕЙ!!!...» — и капала соками на пол, и зверски кончала под ним, содрогаясь от рыданий, и скребла пол, как подыхающая кошка... В глазах у Гены плясала кляксой ее грива, ходившая ходуном. Предчувствуя выплеск семени, он с хрипом сжал ее бедра, пытаясь выйти из них...
— Нет, не... не выходиииии!... — ныла Забава, изнемогая в жестоком оргазме. — Со мной можно не... Не... вых... — плакала она басом и сжимала Генин член, не выпуская его из себя. Плотность ее вагины была невыносима, и Гена мучительно лопнул в Забаве, вдавливаясь в нее пахом и царапая ей спину. Он заливал ее сладким кипятком, выплескивался в нее свободной, горячей рекой и думал — «как хорошо... хорошо... и как быстро. Жаль, что быстро... Жаль, что сейчас будет уже все... Аааааа...»
— Аааааа! — хрипел он. — Жаль, что... Так... Быстро... — Ничего. Это... это... аааааа! Не могу гов... говорить... Оооооу!... Уффф!... Ну вот... вот! А? — она виновато улыбнулась Гене. — Я сейчас упаду... Это... это еще не все, Гена. Это только начало. — Думаешь... думаешь, я секс-гигант? — Иди сюда. Иди ко мне!
Она улыбалась ему, и выхолощенный Гена прилез к ней, в розовый рай ее тела, и зарылся ей в груди, рискуя задохнуться, — а она гладила его и оправдывалась: — Ты, наверно, думаешь, что я такая... Что я развратная... Я терпела пять лет! Умирала, но терпела. А сейчас мне нужно много, много... За все эти годы. — Муфему я? («почему я») — донеслось из-под нее. — Потому что... Ты сам знаешь, почему. Я ведь не могу кому попало... Все, кто встречался — не мужики, а трава. ЭТО должен был сделать Он. Настоящий. И Он делает ЭТО. Сейчас. Ну-ка...
Она присосалась жадным поцелуем к его шее. Гена подполз выше, дал ей губы, — и минуту спустя они уже катались по полу, сцепившись в яростном засосе, а через две он уже был в ней — и снова долбил ее, удивляясь своей силе.
Стонущая Забава ласкалась нетерпеливо, почти умоляюще; она просила, требовала ласки, как голодная кошка, и Гена терял рассудок, отвечая на ее нервные покусывания и подлизывания. Он скакал на ней, лизал ей лицо и сдавливал ей огромные ее груди, подлетавшие, как колобки: — Какие они... у тебя... — Иваську кормила... до пяти лет почти... вот и выросли... раньше маленькие были... аааа... — стонала Забава, будто оправдываясь перед ним. —

Сильней, сильней, пожаааалуйста! Не жалей меня... — Ты снова кончишь? — Даа... Даааааа... ДАААААААААААААААААА!!!..
Она корчилась и умирала под ним, а Гена чувствовал себя раскаленным крюком, на который подвешено солнце.
Никогда еще его член не окунался так глубоко, и никогда еще ему не было так жарко, дико и свободно, как сегодня.
***
Снова, снова и снова все повторялось: Забава кончала, Гена вливал в нее литры семени, выдыхался, отдыхал на ее груди, набухал новым желанием — и снова имел ее, удивляясь собственной неутомимости.
Генина сперма не вмещалась в Забаве и вытекала прочь, подсохнув желтыми ручейками на ногах. Жадность Забавы мало-помалу утихала. Под конец она оседлала Гену сверху и сношалась истомно-сладко, лаская его, как маленького, и тот чувствовал себя карапузом, таял под нежными руками и кончал от горького жара ее губ...
— Это уже девятый раз, — говорил он Забаве, вытирая слезы после оргазма. — Я понимаю — ты что-то такое делаешь со мной... но я не это самое... не израсходуюсь до капли? Я потом смогу это делать? — Сможешь, — смеялась Забава. — Сможешь, не переживай. Я уже почти сыта... но немножечко хочу еще. Не бойся, ты теперь всегда будешь такой, как сейчас. А в зеркало ты на себя смотрел? Здесь? — Нет. А чего я там не видал? — А посмотри. Открой дверцу шкафа...
Гена встал, открыл дверцу с зеркалом — и закашлялся:
— Госссподи! Ты что же... — Ничего. Все тебя узнают. Скажешь: на курорте был, оздоровился... Ну как, нравишься сам себе?
Гена не смог сказать ни слова. Подойдя к Забаве, он лег к ней, благодарно обнял ее и вытянулся вдоль ее тела. В нем разливалось истомное тепло, растворяя все мысли, и он закрыл глаза...
— Аж в ушах свистит... — бормотал он. — Ага, и у меня... — отзывалась Забава.
Вдруг Гена резко подпрыгнул.
— Что такое? — протянула Забава, вытягиваясь, как кошка. — И у тебя? — крикнул он. — Да... а что?
Вместо ответа Гена вскочил на ноги, подбежал к двери и распахнул ее.
Свист, который еле-еле доносился сквозь толстую стену старого дома, сразу же усилился, наполнив собой всю комнату. Откуда-то сбоку полыхнуло зеленоватое свечение, знакомое Гене...
— Господи! Иваська! — Забава подскочила и подбежала к двери. — Уже за полночь! — в ужасе кричала она, глядя на часы. — Я не успела выставить защиту... Иваааська! — плакала она, дергая дверь в соседнюю комнату. Дверь не поддавалась, и периметр ее горел зелеными щелями. — Иваааааськаааа! — Из руки Забавы вырвалась молния, ударившая в замок. На месте дверной ручки задымилась зеленая дыра, и они с Геной ворвались в комнату.
Гена был готов ко всему, но то, что он увидел, заставило его оцепенеть, будто ему сунули в рот паука. Всю комнату заполнила огромная, разбухшая до слоновьих размеров фигура Ларисы Виевны, изогнутая в рог. Глаза ее светились зеленым огнем, освещая комнату, бездонный рот кривился до ушей, и с желтых клыков капало слюной. Она склонилась над детской кроваткой, где плакал и метался во сне Иваська.

Увидев их, она повернула голову к ним — и оскалилась еще шире:
— О, милости прошу! Зеленый Змий не помеха мне — с полуночи и до рассвета запрет снимается, как ты знаешь, — хрипела она Гене, — а тебя, кошку драную, корову сисястую, я и в полночь, и в полдень с пылью смешаю! — ревела она Забаве.
Свист нарастал все сильней, врезаясь им в уши. Забава вскинула руку и ударила молнией в Бабу-Ягу. Молния влетела в невидимый заслон, заискривший зеленым, и расточилась в темноте. Расхохотавшись, Баба-Яга выстрелила в Забаву молнией втрое толще и ярче; Забава крикнула, зашаталась и швырнула в Бабу-Ягу новую молнию, на которую немедленно последовали ответные — еще сильней, и еще, и еще...
— Кишка тонка! — злорадствовала Баба-Яга. — Ночью нет равных мне! Нет равных! Пожелай бабушке приятного аппетита! — хохотала она Забаве в лицо, все ниже склоняясь к спящему Иваське.
Забава страшно закричала...
— Разве это молния, — вдруг сказал Гена.
Все это время он силился вспомнить что-то. В глубине сознания мелькала тень какой-то мысли, никак не желая выныривать наружу, и Гена лихорадочно напрягал память: «сегодня утром, что-то сегодня утром... Забава, Баба-Яга... сказка... Ивасик-Телесик...»
— Разве это молния? Старая ты хвастунья. «Нет равных мне...» Ха!
Баба-Яга, разинувшая было пасть, замерла и повернулась к Гене.
— Ты что?! Не зли меня, змееныш! Твое племя... — Мое племя всякого навидалось. И старых хвастунов тоже. Тьфу, смотреть противно... — Ты что хочешь этим сказать? — закричала Баба-Яга, брызгая слюной. — То, что сказал. Молодую девчонку одолеть не можешь. Молнии жидкие, как волосья на твоем носу. «Нет равных»... А с Федотьевной из Сестрорецка ты знакома? — Какая еще Федотьевна? Какой Сестрорецк? — орала ему Баба-Яга, отвернувшись от Иваськи. — Да ты знаешь, глупый змееныш, что я могу изрыгнуть огонь в три, в пять, в семь раз сильнее? — Не знаю, потому как не видел. Мы, люди Зеленого Змия, верим только тому, что видим своими глазами. — Мразь змеиная, отстой блевотный, — еще страшнее закричала Баба-Яга. — Как я покажу тебе, если мы в многоэтажном доме? Рухнет — костей не соберем... — Глупая ты, и брань у тебя глупая, — отвечал ей Гена, стараясь унять дрожь в голосе. — Столько лет живешь — должна уже знать, что есть стены капитальные и местные. Капитальные не трожь, а в местные пали, сколько влезет. — Ну и где тут местная стена? — А вот. Только ты к ней спиной повернись, а лицом к нам. — Зачем это? — Затем. Чтоб Забава, пока ты палить будешь, тебя не огрела.
Баба-Яга умолкла, призадумавшись, а затем оскалилась: — За что люблю ваш змеиный народ — так это за души ползучие ваши, хе-хе... Присмотрела хахаля, Забавушка? А теперь смотри, с кем связалась. Хрррр!... — захрипела она, отводя руку за спину.
В костлявой ее ладони возник световой шар; он разгорался ярче, ярче, ослепительней — и вдруг разразился вспышкой небывалой силы, которая сверкнула, ослепив Гену, и слилась со страшным воплем Бабы-Яги: в нее попала молния, срикошетившая из настенного зеркала, как и рассчитал Гена...
— АААААААА! — вопила Баба-Яга, уменьшаясь на глазах. Вокруг нее очертилась дымчато-зеленоватая сфера, которая трескалась, как яичная скорлупа. — АААААААА!!! Чертов змееныш! Погоди у меня, змеиное отродье! — выла она, сжимаясь в плотный клубок. — Я сожру вашего недоноска! Сожру всех! Всех сожру!..

Голос ее отдалялся, будто Бабу-Ягу затягивало в невидимую воронку. Оттуда она хрипела им:
— ... Всех сожру! Я для того и залезла в поликлинику, чтобы выжирать детей, вкусных молоденьких детей, высасывать из них души, чтобы они росли темными и мертвыми, чтобы их было больше, больше, и чтобы все людишки были темными и мертвыми, и жизнь делали вокруг себя темную и мертвую, какая она и есть в ваше время, ха-ха-ха-ха!... Нас много, мы голодны, и мы всех выжрем, всех-всех выжрем, всех, всех, всех...
Какое-то время ее хрип и хохот слышались изнутри воронки, пока не заглохли совсем. Через пару секунд исчезла и сама воронка, вспыхнув в темноте зеленоватым зигзагом, будто выключили телеэкран. Раздался щелчок, — и тут же исчез свист, будто из ушей вынули два гвоздя.
Несколько секунд звенела тишина.
Затем Забава дернулась и подбежала к кроватке:
— Иваська!!! Ивасечка, сынуля мой любимый, мой родной, мой маааааааленький, — плакала она, улыбаясь и прижимая к себе обалдевшего Иваську. — Ма? Я... мне... это приснилось, да? — бормотал Иваська. — Что? — спрашивала Забава, глотая слезы. — Ну... все такое страшное... Зеленое. И эта баба... с клыками... — Конечно, приснилось, — хором ответили ему Гена с Забавой. — Ты плакал во сне, вот мы и пришли к тебе. — Ма!... А вы что, все время трахались? — вдруг спросил Иваська. — А... ты... ты... Ты что? Ты что такое говоришь?!.. — Ну вы же голые? Значит, трахались. Голые всегда трахаются.
Гена вдруг сообразил, что они с Забавой так и не успели одеться.
— ... А когда трахаются, то кончают. Мам, ты кончила? — Господи, Иваська! Ты... ты откуда такого набрался? — Из компьютера. Она, когда в сети висит, потом журнал не чистит, — объяснил Иваська Гене, — а я смотрю... Она у меня каждую ночь в секситэйлз. ру... — Все. Теперь не будет каждую ночь, — заявил Гена. — Теперь ей будет чем заняться. А мы с тобой, грамотей, потом поговорим. Забава, пойдем!... Пусть себе спит мужичок.
Он с трудом оторвал плачущую Забаву от Иваськи и вывел ее из комнаты.
***
— ... Но как ты сообразил насчет зеркала? — спрашивала Забава, когда все припадки благодарности были позади, и Гена, обласканный, вылюбленный и облизанный сверху донизу по сто раз, возлежал на спине, подставив Забаве горящее тело. — Даже я, ведьма, не знала... — Это не я, это народ. Я вспомнил сказку про Ивасика-Телесика. Когда Баба-Яга гнала его в печь, тот попросил ее показать, как туда влезть. Она ведь глупая, как... как все наши заведующие и директора. Ну, или почти все. А зеркало — это из «Звездных войн»... А скажи-ка, ведьма: ты... в общем... а покажи-ка ты мне свою попку!